

ПАВЕЛ НАУМОВИЧ БЕРКОВ

Книголюб — это не профессия, а состояние души — души преданной, возвышенной и бескорыстной.

Специальность у книголюбца связана с книгами либо, напротив, лишена общения с книгами и поэтому заставляет человека особенно к ним тянуться.

Страстный книголюб и исследователь книги П. Н. Берков писал о себе: «Историк литературы по специальности, я постоянно имею дело с книгами — печатными и рукописными — и со школьных лет собираю их. Для своей работы я часто должен был обращаться за нужными материалами не только в государственные библиотеки, но и к личным собраниям многих советских книжных коллекционеров. С давних лет мое внимание стала привлекать психология книжных собирателей, книготорговцев, библиотекарей, переиздатчиков и прочих „книжных людей“. Постепенно у меня накопился обширный и, как мне кажется, не лишенный общего интереса материал о людях, связанных с книгами, и о книгах, почему-либо замечательных в истории культуры. С конца двадцатых по конец тридцатых годов я читал в ряде ленинградских высших и специальных учебных заведений курсы по истории русской и западной книги».¹

П. Н. Берков был прирожденным ученым, исследователем, и поэтому естественно, что интерес к книгам, сопровождался у него любовью к исследованию истории книги.

Павел Наумович Берков родился в городе Аккермане Бессарабской губернии, ныне Белгород-Днестровский, 14 декабря (по новому стилю) 1896 г. Аккерман — древний город, история которого восходит еще к VI—V вв. до н. э. Он был когда-то одним из центров финикийской торговли, а затем античной культуры северного Причерноморья. Мальчиком П. Н. увлекся историей родного города, его археологическими древностями. Свою любовь и свой интерес к истории родного города П. Н. сохранял до конца дней.

Научными интересами, трудолюбием и любовью к книге он многим обязан семье, в которой родился и вырос. Отец, зубной врач, — человек с немалыми культурными запросами. В семье любили книги, в домашней биб-

¹ Берков П. Н. Русские книголюбцы: Очерки. М.; Л., 1967, с. 7—8.

пютеке имелись энциклопедии и справочники. Отец привык наводить справки по книгам, пытливо добивался точных сведений по каждому вопросу, волновавшему в начале века среднюю интеллигентную семью. Он развил в мальчике любознательность, умение пользоваться книгой, собирать свою библиотеку и ценить редкости. Много сделал для развития культурных интересов мальчика также и брат — позднее преподаватель математики в средних учебных заведениях. Хорошую библиотеку имела гимназия, в которой учился П. Н. Была в Аккермане и неплохая городская библиотека. Здесь можно было найти многие научные издания, в частности полный комплект «Записок» Новороссийского (Одесского) общества истории и древностей, что сыграло немалую роль в развитии археологических интересов П. Н.

В гимназии преподавали опытные, широко образованные педагоги. Латинист Владимир Дмитриевич Тузенко привил своему ученику интерес к латинскому и греческому языкам, к античным древностям, дал элементарные сведения в итальянском языке. Интерес к русской литературе развил преподаватель словесности Василий Иванович Зосимович-Дидьковский. В шестом классе последнего сменил Дмитрий Дмитриевич Дыбяк. Он обязывал, в частности, своих учеников каждую неделю подавать ему письменные работы, что имело огромное значение в развитии навыков письменной речи. Увлекала П. Н. и математика, и, как уже сказано, у него рано проявился интерес к аккерманским древностям. Он читал все, что относилось к прошлому Аккермана, делал из книг выписки, научился снабжать свои выписки точными библиографическими сносками и составлять библиографию вопроса. Когда в 1911 г. в Аккерманскую гимназию был переведен историк Хрисанф Хрисанфович Зенкевич, автор книги о Пантикалее, он нашел для себя неоценимый материал в тетради, принадлежавшей маленькому гимназисту.

Были у П. Н. и небольшие открытия. Гимназистом он собирал на берегу моря античную керамику и, в частности, особенно интересовался клеймами, которые ставили в свое время базарные старосты (агораномы) на гончарных изделиях как разрешение на их продажу. Как-то, наблюдая за работой землечерпалки, выбрасывавшей на берег песок со дна Днестровского лимана, П. Н. нашел клеймо с надписью «σοκρατες». Этого клейма в справоч-

Павел Наумович Берков

никах не оказалось. Поняв, что часть территории античного города была затоплена некогда водами Днестровского лимана, П. Н. стал усиленно собирать в этом районе керамику. Он составил неплохую коллекцию, в которой оказались обломки чернолаковой посуды, керамические ручки сосудов с клеймами, не известными предшествовавшим исследователям.

Коллекция П. Н. стала широко известна, и когда в 1912 г. в Аккерман приехал известный археолог, профессор Одесского университета (он назывался Новороссийским, так как Новороссийском называлось в свое время все северное Причерноморье) Э. фон Штерн, он захотел познакомиться с мальчиком и его коллекцией. Сволпением понес П. Н. часть своих древностей. Состоялась

долгая беседа. На следующий день уже вместе ходили они на раскопки. Ассистент Э. фон Штерна тоже заинтересовался юным исследователем и спросил его, что он собирается делать по окончании гимназии. Узнав о его желании стать археологом, ассистент спросил: «А читали ли вы „Слово о полку Игореве“?». Услышав отрицательный ответ, прибавил: «Когда прочтете „Слово“, — окончательно решите, кем вам быть».

Накануне Великой Отечественной войны, почти тридцать лет спустя, П. Н. прочел в отчете Э. фон Штерна о раскопках, производившихся им в Аккермане: «У одного гимназиста есть недурная коллекция чернолаковой керамики». Этим собственно ограничивается значение гимназических исследований П. Н. аккерманских древностей. Но в формировании его как ученого это увлечение сыграло очень серьезную роль. Оно научило его работать со справочниками, разыскивать необходимую литературу, правильно составлять библиографию изучаемого вопроса, делать точные ссылки, неустанно собирать материал. Было в этом детском научном увлечении и нечто еще более значительное: интерес к предмету занятий стал для П. Н. на всю жизнь интересом к родине, к родной культуре. Когда жизненный кругозор мальчика ограничивался по преимуществу родным городом, он увлекался аккерманскими древностями. Когда же мальчик вырос и горизонт его расширился, предметом его забот стал на всю жизнь стала русская культура. Однако любовь к русской культуре не заслонила для него неослабевавшего интереса к родному городу. В июне 1941 г., за несколько дней до начала Великой Отечественной войны, П. Н. Берков отправил в «Исторический журнал» статью об истории Аккермана, которая называлась «Тирас—Аккерман» (Тирас — одно из многих названий древнего Аккермана — Белгорода-Днестровского). Военные события помешали выходу в свет этой статьи и впоследствии она затерялась. Сохранилась в архиве П. Н. Беркова неопубликованная статья «Пушкин в Аккермане». В 1969 г. П. Н. Берков перевел стихотворение А. Мицкевича «Степи аккерманские».

В марте 1914 г. умер отец Павла Наумовича. Младший брат отца, служивший земским врачом в Череповце, пригласил юного к себе на лето. Началась война. Жили они на даче в семи верстах от железнодорожной станции. Когда П. Н. возвращался в Аккерман, к станции его везла

крестьянка, только что проводившая мужа на войну. «Война нужна только господам. Что я буду делать теперь одна с хозяйством?», — говорила она. Вернувшись домой, П. Н. рассказал соученикам об этих поразивших его словах крестьянки. В результате он был в двадцать четыре часа исключен из 7-го класса за «антипатриотические настроения». Пришлось проходить курс гимназии самому и экзамены на аттестат зрелости сдавать экстерном.

В Одесский университет П. Н. поступил уже после Февральской революции. Он выбрал классическое отделение историко-филологического факультета, но слушать лекции не пришлось. После смерти отца семья нуждалась, и П. Н. поступил преподавателем в гимназию Общества ревнителей просвещения в местечке Татарбунары в Бессарабии, а в Одессу приезжал только для сдачи экзаменов в университете. Вскоре Бессарабия была оккупирована королевской Румынией. Граница была закрыта. Связь с Россией была потеряна, и для продолжения образования ему пришлось уехать в Вену. Тяжело переживал он отрыв от родины.

П. Н. приехал в Вену ранней весной. В университете же лекции начинались в разное время и большинство — с осени. Между тем на египтологическом отделении были предметы, которые начинали читаться именно весной. Это в известной мере случайное обстоятельство побудило П. Н. выбрать египтологическое отделение. Но кроме предметов по египтологии он слушал и другие курсы.

Тоска по России побудила П. Н. заняться славяноведением. Последнее было представлено здесь довольно средними силами. Возглавлял кафедру профессор Г. Юберсбергер, историк. Правда, с осени 1922 г. лекции по фонологии начал читать такой выдающийся лингвист, как Н. С. Трубецкой, но фонология мало интересовала П. Н., поэтому свою докторскую диссертацию, написанную им на немецком языке, П. Н. посвятил «Отражению русской действительности конца XIX века в творчестве Чехова». Г. Юберсбергер написал о диссертации: «Эта работа стоит выше уровня работ, представляемых в качестве докторских». Работа была принята. Она зарегистрирована в «Библиографии диссертаций, защищенных в Венском университете» (имеется в Библиотеке АН СССР). Рукопись диссертации находится в Венском университете, который П. Н. закончил с отметкой в дипломе «*Summa cum laude*» (оценка с похвалой).

По приезде в Вену П. Н. официально восстановил свое советское подданство. Окончив университет, он послал в Москву, Петроград и Иркутск просьбы о приеме его на работу. Петроградский отдел народного образования ответил: «Приезжайте, на работу устроим». Советское полпредство в Вене разрешило П. Н. выехать по этому письму в СССР. Первые годы по приезде (с 1923 по 1928 г.) П. Н. заведовал в Петрограде 48-й советской трудовой школой (бывшая Пятая гимназия) и преподавал в ней русскую литературу. Не оставляя заведования школой, в 1925 г. П. Н. стал сотрудником второго разряда Института литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете (ИЛЯЗВ), впоследствии преобразованного в Институт речевой культуры (ИРК). В институте П. Н. стал заниматься литературой XVIII в. и вскоре защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ранний период русской литературной историографии». Уже в эти годы П. Н. начал усиленно составлять свою библиотеку — главным образом по русскому XVIII веку — и интересоваться историей книги. Этот интерес к книге оказался настолько серьезен, что, когда на базе Археографической комиссии и большого книжного собрания академика Н. П. Лихачева в Ленинграде был организован Институт книги, документа и письма Академии наук СССР, П. Н. стал в нем заведующим отделом книги. Одновременно он оставался старшим научным сотрудником и заведующим учебной частью Института речевой культуры.

В 1934 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР была организована группа по изучению литературы XVIII в. Руководителем ее стал академик А. С. Орлов, ученым секретарем — Г. А. Гуковский. С этой группой П. Н. был связан всю свою жизнь — то как штатный ее сотрудник, то как работавший в ней по совместительству или на общественных началах. Вначале он был ее членом, а затем — бессменным руководителем и вдохновителем работ группы. Здесь был центр изучения XVIII века, а следовательно, и центр исследовательской деятельности самого П. Н.

В 30-е годы Пушкинский Дом представлял собой крупнейшее в мире научное литературоведческое учреждение. Помимо русской литературы здесь изучался во всем его объеме русский фольклор, а также литература Западной Европы. В области русской литературы здесь

работали В. П. Адрианова-Перетц, В. В. Гишнус, Г. А. Гукровский, В. А. Десницкий, Л. М. Добровольский, И. П. Еремип, Б. С. Мейлах, Л. В. Модзалевский, А. С. Орлов, В. Н. Орлов, Н. К. Пиксапов, Н. Л. Стеланов, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович. В фольклорном отделе, возглавлявшемся М. К. Азадовским, работали П. П. Андреев, А. М. Астахова, Г. С. Випоградов, Е. В. Гишнус, А. Н. Лозанова, А. И. Никифоров, З. В. Эвальд. Отдел западных литератур был представлен М. П. Алексеевым, П. Я. Берковским, К. Н. Державиным, В. М. Жирмунским, Б. А. Кржевским, С. С. Мокульским, Б. Г. Реизовым, А. А. Смирновым. Близкое участие в работах института принимали А. С. Долинин, В. Л. Комарович, Н. В. Яковлев и многие другие. На открытые заседания научных отделов института стекались все специалисты города, много студентов и преподавателей средних школ. Заседания эти были всегда оживленными, вопросы, на них обсуждавшиеся, выходили за рамки плановых заданий, по которым работал институт.

Внимание, с которым сотрудники института — выдающиеся ученые относились к научным докладам, их активное участие в заседаниях отделов, характеризовали ту высокую научную атмосферу, в которой посчастливилось работать группе XVIII века. В обстановке дискуссий, широко проводимых на самом высоком уровне, формировались и крепились научные убеждения П. Н.

Начиная с 1934 г. одновременно с работой в Пушкинском Доме П. Н. преподает в Ленинградском университете, вначале как доцент, а затем как профессор. Во время Великой Отечественной войны он — профессор и заведующий кафедрой русской и всеобщей литературы Киргизского педагогического института (Фрунзе), а также старший научный сотрудник Киргизского филиала Академии наук СССР, однако его исследовательская деятельность продолжала быть в основном связана с Пушкинским Домом.

* * *

Как бы ни были разнообразны научные интересы П. Н. Беркова (о них мы скажем в дальнейшем), в этом разнообразии нет случайности. Широта его научного кругозора отражает не случайности биографии, а ее закономерности. Наука теснейшим образом связана с жизнью

П. Н., а жизнь эта движима стремлением воскресить прошлое близкой ему культуры, близких по духу людей. Эта культура — русская культура.

П. Н. прежде всего культуровед, исследователь и знаток книжности, литературы изучаемой им страны и времени. И в этом изучении культуры им прежде всего движет интерес к людям. Позволю себе привести выдержку из его труда «О людях и книгах», характеризующую его позиции в этом вопросе: «... я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, человеческого автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами, любим людей, украсивших ее своими иллюстрациями, любим неизвестных нам типографов и переплетчиков, вложивших в нее свой талант, изобретательность, умение, понимание красоты, свое желание доставить читателю радость и наслаждение ею как произведением особого, высокого искусства — искусства книги».² Сказанное П. Н. о любви к книгам может быть с полным основанием распространено на любую из тех многочисленных областей человеческой культуры, которыми он занимался. Всюду — в литературе, театре, журналистике, литературной историографии, библиографии, библиотековедении или библиофильстве — он ищет прежде всего человека. Книга и люди, ее создававшие, для него почти отождествлялись.

Закljučая свою книгу «Ломоносов и литературная полемика его времени», П. Н. говорит: «... автор не может не признаться, что ни Ломоносов, ни Тредиаковский, ни Сумароков не были для него отвлеченными схемами, а представляли живые, реальные фигуры».³

Такого рода заявления о том, что писатели для него прежде всего люди своего времени, что в каждом явлении культуры ценны прежде всего личности людей, которые за ним стоят, — отнюдь не риторические. Они выражают самую суть подхода П. Н. к предмету своих исследований. Так, например, говоря о преобразованиях Петра I, П. Н. указал, что они стали возможны только благодаря наличию «в тогдашней Москве таких людей, как Л. Магниц-

² Берков П. Н. О людях и книгах: (Из записок книголюбца). М., 1965, с. 7—8.

³ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936, с. 286.

кий, В. Киприянов и другие. Именно это явилось фактом, объясняющим историческую закономерность преобразований Петра».⁴ Эта точка зрения П. Н. далеко еще не оценена в исторической историографии, а между тем именно в ней ключ к объяснению связей петровских реформ с XVII веком.

П. Н. не интересуется факт сам по себе, как и концепция сама по себе. Он не собиратель фактов и не создатель концепций, которые в большинстве своем оторваны от действительности. Он стремится воскресить прошлое, восстановить забытое в его целостном органическом единстве, понять книгу и книжное дело как ценнейшую часть человеческой культуры. Если угодно все же называть эти восстановленные им картины прошлого концепциями, то необходимо оговорить, что это не логические построения, а живые воссоздания. Автор стремится учесть конкретную взаимосвязь множества явлений, отчетливо представить себе, что было в действительности.

Концепция творчества Крылова, созданная П. Н., — это прежде всего образ Крылова — человека и писателя. То же следует сказать и о Ломоносове, которому П. Н. посвящает свои исследования и чьи сочинения публикует начиная с 1937 г. Эта особенность исследовательской манеры П. Н. характерна и для изучения творчества Сумарокова и многих других писателей, которые попадали в поле его интересов.

Способность воссоздавать образ эпохи менее всего свойственна тем ученым, которые логизируют историко-литературный процесс, сводят его к двум-трем основным линиям, к двум-трем движущим силам. П. Н. обладал редкой способностью видеть множественность жизненных явлений и улавливать в этой множественности лицо эпохи, ее индивидуальность.

Он воскрешает прошлое как исследователь, восстанавливает недостающие звенья, объясняет непонятное, приводит в связь явления, которые казались случайными. Он не «пейзажист» прошлого, а его ученый реставратор, стирающий с карты прошлого белые пятна. П. Н. восстанавливает факты, которые сами слагаются в определенное целое, абсолютно при этом достоверное, если достоверны исследуемые явления. Так идет он индуктивным методом

⁴ Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725. М.; Л., 1958, с. 20.

науки, а не методом дедуктивного восстановления прошлого. Книга для него исходный момент всякой дедукции.

Вся научная деятельность П. Н. основана на его интересе к людям прошлого и настоящего. Поэтому нет в нем научного эгоцентризма, специальной заботы о борьбе за свою концепцию, об отстаивании своих взглядов. Для работ П. Н. характерно отвращение ко всякого рода внешним эффектам и легкомысленным предположениям, не подкрепленным достаточным количеством данных. Отсюда его стремление к точности, к установлению конкретных фактов, к подлинной истории книги и биографиям ее создателей, к раскрытию псевдонимов и анонимов, восстановлению несправедливо испорченных репутаций, к распутыванию сложных узлов человеческих взаимоотношений. Во всем этом П. Н. прежде всего стремится понять человека, найти лучшие побудительные причины его деятельности. Поиски истины для П. Н. — это в какой-то мере и поиски справедливых оценок. Вот почему он иногда выходит за сферу ему привычных тем и занимается, например, Куприным, тогда, когда общественная позиция последнего была еще не выяснена.⁵ Вот почему он занимается и теми вопросами, которыми до него почти никто не занимался или которые считались несущественными для той или иной эпохи. Он изучает, в частности, польско-русские отношения XVIII в., восстанавливает репутацию Игнация Быковского,⁶ пропагандировавшего русскую литературу в Польше, устанавливает факт перевода русских авторов на польский язык.

XVIII веком П. Н. начал заниматься в годы, когда подлинно научное изучение литературы этого времени только начиналось. Вместе с Г. А. Гуковским он стал создателем современной науки о литературе XVIII в., основателем советской школы ее исследователей.

Свою кандидатскую диссертацию «Ранний период русской литературной историографии» П. Н. защитил весной 1929 г., за полгода до защиты Г. А. Гуковским своей. Обе диссертации послужили первой вехой в новом подходе к литературе XVIII в. В этих работах впервые выступала во всей своей значительности роль XVIII века в историко-литературном процессе.

⁵ Берков П. Н. Александр Иванович Куприн: Критико-биографический очерк. М.; Л., 1956.

⁶ Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958, с. 50—52.

Отдельные исследования П. Н. по XVIII веку посвящены прежде всего М. Ломоносову, а затем В. Тредиаковскому, А. Сумарокову, А. Каптемиру, В. Капнисту, В. Лукину, М. Хераскову, В. Петрову, Д. Фонвизину, П. Новикову, А. Радищеву, Н. Николаеву, Н. Карамзину, И. Крылову. Интересуют его и малоизвестные писатели XVIII в.: П. Буслаев, М. Собакин, И. Шишкин, П. Суворов и многие другие.

В своей статье о П. Н. Беркове Г. П. Макогоненко хорошо сказал, что «любимые темы Павла Наумовича — трудные».⁷ Это отчасти объясняет, почему именно основной круг своих исследований П. Н. посвятил XVIII веку. XVIII век — это эпоха, полная малоизвестными именами и непроясненными фактами, в ней множество псевдонимных и анонимных произведений, невыясненных судебных книг. Это эпоха, в которую свирепствовала цензура и писатели вынуждены были высказывать свои мысли путем иносказаний и намеков. Сложно переплеталась в ней рукописная традиция с печатным словом. Это была эпоха, в которую завязывались узлы, распутать которые призван был уже XIX век. Все это представляло немалые соблазны для исследователя, с самого начала предпочитавшего трудные задачи легким.

Были и другие причины, заставившие П. Н. заниматься XVIII веком. Это эпоха переходная, эпоха, связывающая два огромных и очень различных периода русской литературы — древнюю, обнимающую семь первых веков в развитии русской литературы, и новую. Между тем именно культурные и литературные связи во всем их разнообразии и многообразии больше всего привлекают исследовательскую пытливость П. Н. Человек для него прежде всего член сообщества. Писатель в его представлении связан с литературным окружением, с литературной полемикой и борьбой своего времени, его творчество входит в литературное направление, которое писатель так или иначе олицетворяет. Особый интерес представляют для П. Н. традиции, связи эпох, связи литератур различных народов. Поэтому его интересуют переводческая деятельность, осведомленность одного народа о другом, литературные взаимосвязи, взаимное изучение литератур, история книг. Со всех этих точек зрения XVIII век

⁷ Макогоненко Г. П. Павел Наумович Берков: (К семидесятилетию со дня рождения). — Русская литература, 1966, № 4, с. 251.

представляет собой исключительный интерес. Он характеризуется тесными связями ряда стран Западной Европы, усилившейся переводческой деятельностью, первым знакомством Запада с произведениями русской литературы, литературной и журнальной борьбой.

В то же время XVIII век интересует П. Н. не только как предмет исследования; век этот для него — живая эпоха, к которой он чувствует особую симпатию. Каждый период обладает своею индивидуальностью. XVIII век — время консолидации национальных черт русской литературы, и любовь П. Н. к этой эпохе — свидетельство его глубокого патриотизма.

Изучая человека, П. Н. имеет в виду человека социального, человека с его воззрениями, убеждениями, эстетическими вкусами, человека — представителя определенного слоя населения, нации, эпохи. Этим подходом к объекту исследования ученый разительно отличается от своих предшественников.

В предисловии к своей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936) П. Н. пишет: «Лишь в книге Г. А. Гуковского „Русская поэзия XVIII века“ (1927) сделана попытка осознать полемику между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым как борьбу литературных группировок, а не как персональную склоку».⁸

Личность человека для П. Н. — это не свойства его характера, а прежде всего мировоззрение, идеология, литературные вкусы и убеждения. Столкновения Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова (в разных комбинациях) литературоведы XIX в. «выводили из их личных свойств: тщеславия, завистливости, неуживчивости, вспыльчивости, скверного характера и т. п. Социальных причин за этими „личными дрязгами“ не видели. . .»,⁹ — пишет П. Н.

Благодаря такому подходу к личности писателя перекидывается широкий мост между изучением писателя и изучением историко-литературного процесса, изучением литературных направлений. Специально классицизму посвящена работа П. Н. «Проблемы изучения русского классицизма» (1964). Существенны для характеристики П. Н. уже упомянутая книга «Ломоносов и литературная полемика его времени» и статья «Проблема литературного на-

⁸ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, с. 1—2.

⁹ Там же, с. 4.

правления Ломоносова» (1962). В них он стремится определить и уточнить своеобразие классицизма Ломоносова и Сумарокова, их различные положения в этом едином течении.

Его интересует также вопрос о характере, сущности и своеобразии русского просвещения. Он организовал конференцию по этой проблеме, а затем — издание сборника статей, открывающегося его исследованием «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века» (1961).

Монография П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века» (1952) много шире объявленной в ее заголовке темы. В ней П. Н. раскрывает не только историю, но и роль журналистики в литературном развитии XVIII в. Особо подчеркивает он значение «частной журналистики» в формировании прогрессивной общественной мысли и освободительного движения. Он показывает, что именно прогрессивная журналистика «подготавливала в недрах классицизма будущие успехи и конечное торжество реализма». Журналистика была главной ареной идейной борьбы и литературного формирования писателей XVIII в. Поэтому «История русской журналистики XVIII века» в какой-то мере явилась и историей русской общественной мысли и литературной борьбы того времени.

Эта книга хорошо характеризует умение П. Н. показать значение отдельных изучаемых им вопросов, глубину подхода к избранной теме, всесторонне ее исследовать, рассматривая каждый вопрос комплексно, в его взаимосвязях с другими вопросами, в единстве его историко-культурных аспектов.

П. Н. нельзя назвать специалистом только в области литературы. Он изучал XVIII век в широком историко-культурном плане. Его интересовали и наука того времени, и журналистика, и театр, и история интеллигенции как таковой.

Значителен вклад, внесенный П. Н. в изучение истории драматургии и театра XVIII в. И здесь следует отметить масштабность его интересов. Он изучает «высокую» трагедию, комедию, школьный театр, городской театр и театр народный. Занимается драматургией Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Лукина. Особо следует выделить серию его замечательных статей о драматургии Фонвизина, внесших важные материалы в характеристику

творчества последнего: «Завещание Панина и „Недоросль“ Фонвизина» (1945), «О „Чистосердечном признании“ Фонвизина» (1945), «К хронологии произведений Фонвизина» (1946), «Материалы для биографии Д. И. Фонвизина» (1946) и обобщающая статья «О театре Фонвизина и русской культуре» (1947). Русская культура, ее своеобразие, ее формирование, консолидация в ней ее национальных черт и в этом случае является конечной целью всех разнообразных исследований П. Н.

В области изучения народного театра мне бы хотелось остановиться на значении одной статьи П. Н. — «Вероятный источник народной пьесы „О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе“» (1956). В изучении не только русского народного театра, но и всего народного творчества в целом серьезным тормозом представляется не изжитая до сих пор боязнь исследователей обнаруживать некоторые литературные источники народных произведений. Указать литературное происхождение того или иного фольклорного произведения считалось, да и считается до сих пор, равносильным признанию того, что исследователь разделяет идеи Наумана об аристократическом происхождении фольклора. В результате не только сужается изучение источников фольклора, но и устанавливается неправильная точка зрения на фольклор — как на совершенно автономную область с господством «самозарождения» сюжетов. П. Н. не побоялся разрушить этот барьер, искусственно отделявший фольклор от всей остальной национальной культуры, и веско обосновал свое утверждение, что автор народной пьесы «Царь Максимилиан» творчески отразил в своем произведении виденную им школьную драму на тот же сюжет. К народной драме П. Н. обращался не раз, собрав, опубликовав, прокомментировав и обобщив весь репертуар в книге «Русская народная драма XVIII—XX веков» (1953).

Очень большое внимание уделяет П. Н. межнациональным связям культур и литератур. И это не случайно. Национальные культуры лучше всего раскрываются в своем своеобразии, когда вступают в общение друг с другом. Национальная культура растет во взаимодействии с другими культурами, усваивая, перерабатывая, частично принимая чужое, выбирая из этого чужого то, что отвечает ее потребностям.

Взаимодействия и связи изучаются П. Н. во всем многообразии: здесь и литературные влияния, и заимство-

вания, и переводы с одного языка на другой, и изучение в одной стране литературы другой страны, а также непосредственные контакты (вроде обучения украинцев и русских в университетах Польши и Германии), театральные постановки иностранных пьес и многое другое.

С чувством патристической гордости занимался П. Н. вопросами изучения русской литературы зарубежными исследователями. Этому посвящены его исследования «Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке» (1930), «Изучение русской литературы во Франции» (1939), ряд статей о переводах «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки и об изучении «Слова» на Западе. Та же тема получила свое освещение в его работах «Русско-польские литературные связи в XVIII веке» (1958, 1960), «Русская литература XVIII века и другие славянские литературы XVIII—XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах)» (1963), «M. Alopäus Vorlesung über russische Poesie in Göttingen im Jahre 1769» (1932), «Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert» (1957, 1958), «Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard» (1958) и др.

За свои работы в области русской литературы и русско-немецких связей П. Н. был избран в 1967 г. членом-корреспондентом Академии наук ГДР.

Изучал П. Н. и обратные связи: влияние иностранных литератур на русскую. Эта сторона межнациональных связей нашла специальное освещение в его исследованиях, посвященных отношению русских писателей к творчеству Диккенса, истории первоначального знакомства русского читателя с Гете, русскому вертеризму, русским откликам на смерть Вольтера, английским пьесам в России в 1760—1770 гг., гастролям французской ярмарочной труппы в Петербурге в 1727—1728 гг., капеллану английской фактории в России Томасу Консетту и многим другим.

Для характеристики принципов изучения П. Н. межнациональных связей показательна его работа «Ранние русские переводы Горация» (1935), в которой он показывает, что именно отбирал Тредиаковский из литературного наследия Горация для своих переводов, что казалось ему актуальным для русского читателя и как трансформировалась поэзия Горация в стихах Тредиаковского. Автор блестяще доказал, что эти переводы были связаны

с обличениями аристократов и имели целью нравственное воспитание русского общества.

Общим проблемам изучения межнациональных литературных связей посвящены две работы П. Н.: «Мировое значение русской классической и советской литературы» (1950) и «Проблемы изучения межнациональных литературных отношений (литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литератур)» (1962). Нетрудно заметить, что межнациональные связи изучаются П. Н. в очень широком масштабе (от древней литературы до советского периода).

Одним из первых обратился П. Н. к систематическому изучению литератур народов СССР. Начать это изучение побудили его практические нужды преподавания курсов соответствующих литератур в высших учебных заведениях, однако его интерес к исследованию взаимосвязей отразился и здесь. Влияние русской литературы на литературы армянскую, грузинскую, киргизскую и проч., источники осведомленности русских писателей в литературе других народов СССР — вот его основные темы в этой области.

П. Н. принадлежат работы о Хачатуре Абовяне и Аветике Исаакяне, Важа Пшавела (1966), Шота Руставели (1938 и 1966), белорусском писателе Виталии Вольском, киргизском поэте Д. Боконбаеве и киргизском народном эпосе «Манас» (1944), об Андрее Ушите. Он занимается и переводами В. Брюсова с армянского (1962), и отражением поэзии В. Брюсова в армянской поэзии (1962), и Пушкиным в литературах народов СССР (1949), «Записками охотника» в литературах народов СССР (1951) и еще более широкой темой: «Революция 1905—1917 годов и литературы народов СССР» (1955). Немаловажное значение имеют статьи П. Н., посвященные преподаванию литератур народов СССР в высших учебных заведениях и в средней школе: «Как строить курс литературы народов СССР» (1951), «О преподавании литературы народов СССР в высшей школе» (1951), «Киргизская литература в школе» (1944), «К вопросу о принципах построения антологии киргизской литературы» (1944).

Занимается П. Н. и вопросами начала болгарской литературы (1961), и трагедией болгарского писателя А. П. Шопова «Смерть князя Потемкина» (1959), и творчеством Мопассана (1932, 1935), и переводами с китайского на белорусский (1954). В литературе XX в. П. Н.

интересуют Горький и Куприн (творчеству последнего он посвятил специальную книгу в 1956 г.) и особенно Валерий Брюсов.

Его интересуют литературные направления XVII—начала XIX в. (барокко, просвещение, классицизм) и литературоведческая терминология (1963). Однако шире и богаче всего представлены в списке его научных трудов книги и статьи по вопросам книжного источниковедения: библиографии, библиофильства, библиотековедения, текстологии, историографии.

Историей книголюбия П. Н. занимается также прежде всего потому, что за этим стоят люди, любители книг. В этом разительное отличие занятий историей книголюбия от занятий книговедением. Книговедение — это по преимуществу изучение книг, истории книг, истории книжных собраний. История книголюбия — это по преимуществу история людей, одержимых любовью к книге. Сам книголюб, П. Н. Берков занимается историей человеческой любви к книгам. Как книговед, П. Н. прежде всего книголюб. Книга же для него — важнейшая составная часть человеческой культуры, на которой основывается традиция культуры, а также литература, журналистика, общественная мысль, а отчасти история театра. Поэтому деятельность П. Н. по изучению истории книг не может быть отделена от всей его многосторонней исследовательской работы по изучению русской культуры в целом.

Теоретические вопросы библиографии, библиофильства и истории книги разрабатывались им в статьях «Развитие истории книги как науки» (1931), «Предмет и объем истории книги как науки» (1936), а кроме того, в монографиях «Введение в технику литературоведческого исследования» (1955), «Библиографическая эвристика» (1960), «О людях и книгах» (1965), «Русские книголюбия» (1967) и в «Истории советского библиофильства» (первое издание — 1971). Отдельные работы П. Н. по изучению книги были посмертно собраны в книге «Избранное» (1978), вышедшей в серии «Труды отечественных книговедов».

* * *

Интерес П. Н. Беркова к человеку, к автору как личности, позволяет ему оживить самые, казалось бы, сухие материалы. В источниках он умеет увидеть не только

разрозненные сведения о человеке, по и отражение самой личности его. Интерес к человеку в его связях с книгой не только особенность исследовательских тем П. Н. — это особенность и его научной работы, что позволяет ему создать новую методiku анализа источников. В этом отношении особенно показательна его работа «Литературные интересы Ломоносова» (1962). Ломоносов составлял списки книг, которые рекомендовал библиотеке Академии наук для выписки из-за границы. На основании этих списков П. Н. выяснил круг интересов Ломоносова, круг источников, которыми он пользовался, и показал, чем могла заинтересовать его та или иная книга. Сухие списки оживили, оказались освещены личностью Ломоносова и в свою очередь осветили в нем неизвестные дотопе стороны его личности, характер его книжных интересов. Источниками его осведомленности в книгах были немецкие и французские журналы, публиковавшие рецензии на научные и литературные издания. Для характеристики литературных позиций Ломоносова Берков использовал его замечания, пометы и подчеркивания текста на принадлежавшем Ломоносову экземпляре трактата Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов».

Источником для характеристики научных интересов изучаемых П. Н. авторов стал состав их библиотек, история последних, даже история отдельных книг. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть его статью «Личные библиотеки трех русских писателей — Ломоносова, Пушкина, Горького» (1963) и книгу «О людях и книгах» или книгу «Русские книголюбцы».

Большую роль в открытиях книговедов играет обычно случайность: случайно открываются те или иные новые тексты, документы, книги. Исследователь часто руководствуется только интуицией, не придавая особого значения полноте и систематичности обследования материалов. Что же касается П. Н., то в своих работах он уделял особое внимание именно полноте и систематичности рассмотрения целых групп материалов. Вот почему его так интересовало исследование истории журналистики, истории библиотек тех или иных деятелей культуры, как комплексов, в которых отразились личность владельца, репертуар литературных произведений и, разумеется, библиография и библиографическая эвристика. В предисловии к своей книге «Введение в изучение истории русской

литературы XVIII века» (1964) П. Н. писал: «И сейчас исследователь на каждом шагу ощущает недостаточную разработанность, даже невыявленность нужных источников, нецеллоту и случайность библиографии предмета, отсутствие критической истории науки». Отмечая, что со времени Октябрьской революции «количество фактического материала» значительно выросло, он тем не менее подчеркивал, что «на многих подобных находках лежит печать случайности». От случайных находок к систематическому описанию архивных материалов, к составлению списков книг гражданской печати,¹⁰ к изучению истории журналов и журналистики, истории литературной и театральной терминологии,¹¹ полных библиографий¹² и истории науки — вот тот новый, трудный, но принципиально верный путь, на который ступил сам П. Н. и который стал благодаря ему единственным строго научным путем книговедческого и литературоведческого источниковедения.

Знаменательно, что, даже оценивая труды библиографов прошлого, П. Н. учитывал моральные их качества, их общественные и идейные позиции. Труды по библиографии были ценны для П. Н. не только своими чисто специальными качествами, но и отражением в них личности библиографов, их личных интересов, их индивидуальных склонностей. С этой стороны характерны такие его работы, как «Идеологическая позиция В. С. Сопикова в „Опыте российской библиографии“» (1933), «Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1755 М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из

¹⁰ *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 / Ред. и вступит. статья П. Н. Беркова. М.: Л., 1955.

¹¹ *Берков П. Н.* 1) Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.). — Труды Отдела древнерусской литературы, М.: Л., 1955, т. 11, с. 280—299; 2) К проблематике изучения литературоведческой терминологии. — В кн.: К созданию научного словаря литературоведческих терминов и понятий. М., 1963, с. 18—26 (ротацинт). Интересные и важные соображения о значении терминов «славистика» и «славянская филология» см. в работе П. Н. Беркова «Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии» (1958).

¹² *Берков П. Н.* Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1755 М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии. Л., 1956.

области теории и истории библиографии» (1956), «О библиографических трудах по русской периодической печати» (1956), «Мезьер — библиограф-романтик» (1962).

Выдающийся теоретик библиографии, труды которого в этой области получили мировое признание, П. Н. и здесь оставался историком культуры, историком людей прежде всего. Вот почему для него библиография неразрывно связана с библиотековедением, с библиофильством, с историей печати, журналистики, книжной торговли, книголюбам.

П. Н. Берков — книговед в широком смысле этого слова, а книговедение сливается для него с человековедением. Он любил книгу живую, книгу, создаваемую конкретными людьми, отражающую человеческую индивидуальность тех, кто ею пользовался и пользуется, покупает, собирает, хранит, дарит, пропагандирует, извлекает из нее сведения или делает предметом своих исследований.

В своем интересе к библиографии, к судьбе книг, к установлению мельчайших фактов литературной истории П. Н. следует велению своей всепоглощающей любви к русскому прошлому, к русской культуре. И в известной мере как признание должно рассматриваться его утверждение, сделанное им в конце жизни: «Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те ступки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги».¹³ В приведенной цитате особенно значительно место, где автор говорит о любви к «явлениям культуры определенной эпохи». Такой «определенной эпохой» для П. Н. был, как уже указывалось выше, прежде всего XVIII век — русский XVIII век. Говоря об «определенной эпохе», с которой связана книга, он подразумевает, что книга не может рассматриваться сама по себе: она связана со своей эпохой, представляет собой продукт этой эпохи. Об одной из изучаемых им книг П. Н. пишет: «... для меня эта книга не редкость, сохранившаяся в пяти или десяти экземплярах, а памятник человеческого творчества и человеческих судеб».¹⁴

Внимательно изучает П. Н. и тех, кто до него занимался писателями и книголюбам. Историкография исто-

¹³ Берков П. Н. О людях и книгах, с. 8.

¹⁴ Там же, с. 18.

рии литературы для него прежде всего история людей, история исследователей. Он рассматривает историографию как часть человековедения, а человековедение — это борьба с забвением, которая требует установления правильных оценок людей прошлого и своих современников.

П. Н. принадлежит большое число статей об историках литературы и книги — советских, дореволюционных и иностранных. Следует упомянуть его статьи о таких советских исследователях, как Д. И. Абрамович (1956), В. П. Адрианова-Перетц (1948, 1957), М. К. Азадовский (1954, 1957), М. П. Алексеев (1946, 1956), С. Д. Балухатый (1948), Д. Д. Благой (1963), В. В. Виноградов (1946), А. А. Гозенпуд (1964), Г. А. Гуковский (1957), К. Н. Державин (1957), Н. С. Державин (1947, 1948, 1949, 1957), В. А. Десницкий (1948, 1957), В. Е. Евгеньев-Максимов (1956, 1957), И. П. Еремин (1964), В. М. Жирмунский (1957, 1961, 1965), Н. В. Здобнов (1964), М. К. Клеман (1958, 1967), Н. К. Козьмин (1931), П. И. Лебедев-Полянский (1948), Н. О. Лерпер (1932), В. А. Луначарский (1933), А. И. Мален (1934), Б. Л. Модзалевский (1934), Н. И. Мордовченко (1951, 1952), Ю. Г. Оксман (1962), А. С. Орлов (1934, 1947, 1957), В. Н. Перетц (1934, 1957), Е. В. Петухов (1934), Н. К. Пиксанов (1948), В. Я. Пропп (1966), В. В. Сиповский (1931, 1957), И. И. Толстой (1957), И. М. Тронский (1957), А. Г. Фомин (1934, 1949), В. Ф. Шишмарев (1957), Б. М. Эйхенбаум (1960).

Если учесть, что каждый из этих ученых охарактеризован автором на фоне движения советской науки, можно считать, что П. Н. создал тем самым довольно полную историю советского литературоведения.

П. Н. принадлежит также большое число статей о представителях старого академического литературоведения и книговедения. «Вечными собеседниками» его в разные годы были А. Н. Веселовский (1946, 1957), А. И. Кирпичников (1931), Н. А. Котляревский (1931), М. Н. Лопгинов (1932, 1935), Е. А. Ляцкий (1932), А. И. Лященко (1932), Л. Н. Майков (1932, 1957), И. Е. Мандельштам (1932), П. О. Морозов (1934), П. П. Пекарский (1957), И. Я. Порфирьев (1935), А. Н. Пыпин (1957), М. И. Сухомлинов (1957), Н. С. Тихонравов (1939) и др. Немало статей посвятил он иностранным литературоведам. Есть у него статьи о библиографах, библиофилах и языковедах.

Занимаясь историографией литературы и книговедением, изучая, в частности, литературу XVIII в., П. Н. энергично и многократно указывал, что это изучение не должно становиться самоцелью. Историография и книговедение должны быть на службе у современности. Она может помочь выявить укоренившиеся в науке неверные представления, ошибки и их источники, установить правильные точки зрения, предостеречь от новых заблуждений. «Вне этой связи с современностью, — пишет П. Н., — с задачами, стоящими перед нынешним этапом нашего литературоведения, литературная историография утрачивает свое прямое назначение — помогать литературоведу в его постоянной, повседневной работе. Напротив, она становится в таком случае балластом для памяти „знанием для знания“, весьма привлекательной областью для коллекционеров фактов, бесполезной для ученого, живущего интересами своей эпохи».¹⁵

Изучение литературной историографии П. Н. основывал на истории книги и истории библиографии. «Литературная историография ни в коем случае не является хронологически расположенной библиографией, — пишет П. Н., — хотя строится, конечно, на материалах последней. Отличительная черта литературной историографии состоит в том, что она представляет историю историко-литературных концепций...». И далее: «Правильно понимаемая литературная историография должна раскрывать историческую обусловленность борющихся концепций».¹⁶ Таким образом, литературная историография может помочь современному исследователю отбросить субъективное, неверное, исторически ограниченное и использовать то объективное, ценное, что содержится в прежних исследованиях.

Те же особенности характеризуют и многочисленные работы П. Н. по теории библиографии: «Библиография и научная работа» (1957), «Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии» (1958), «Место библиографии в работе молодого ученого» (1958), «Библиографическая эвристика» (1960), «Советская литературоведческая библиография между IV и V Международными съездами славистов»

¹⁵ Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. М., 1964, с. 15—16.

¹⁶ Там же, с. 251—252.

(1963) и другие его работы. Библиография для П. Н. — самостоятельная наука в том смысле, что она обладает собственным методом, собственным кругом вопросов. Однако, как и все гуманитарные науки, она имеет и служебное значение. Она призвана облегчить ученому розыски необходимых книжных материалов, помогать ему в его научной работе. В этом смысле такое же служебное значение имеет для П. Н. и библиофильство. Он ценит в библиофильстве не любовь к книге как таковой, а книжное дело человечества, любовь к книге, без которой не может существовать ни сама книга, ни книжное знание ученых.

Целый ряд работ П. Н. посвящен общим и частным проблемам текстологии: «Об одной мнимой опечатке у Гоголя» (1954), «Проблема атрибуции в зарубежном и русском литературоведении» (1960), «„Смелый властелин“ или „смелая сатира“? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина»)» (1962), «Корректурa и текстология» (1962), «Издания русских поэтов XVIII века. История и текстологические проблемы» (1963), «Проблемы современной текстологии» (1963).

Из работ П. Н. источниковедческого характера следует упомянуть наконец его замечательную работу «О переходе скорописи XVIII века в современное русское письмо» (1964), где он впервые поднимает вопрос об образовании современных почерков, резко отличных от скорописи XVII и XVIII вв. Работ, посвященных палеографии нового времени, у нас не так уже много. Само название этой дисциплины указывает на то, что ею занимаются те, кого в первую очередь интересуют древние почерки и рукописи, но потребность в изучении нового письма, бумаги XIX и XX вв. чрезвычайно велика. Палеография нового времени развивается, и в ней исследование П. Н. займет одно из основополагающих мест.

Несмотря на то что П. Н. принадлежит довольно большое число работ, посвященных задачам изучения той или иной области литературоведения, и теоретических работ по технике литературного исследования, по теории библиографии, он никогда не опускался до менторства в науке. Все его рекомендации и указания вполне конкретны. Личным примером, примером своих собственных исследований, он создал в целом совсем новую научную школу.

Научная работа П. Н. неразрывно связана с его общественной деятельностью и педагогической практикой. На-

чав как педагог средней школы, П. Н. уже в 1925 г. ступил на трудную стезю преподавания в высших учебных заведениях. В 1925—1926 гг. он — ассистент Педагогического института им. А. И. Герцена. В 1934 г., как мы уже упомянули, он начинает преподавательскую деятельность в Ленинградском государственном университете в качестве доцента, а вскоре и профессора.

Научно-общественная работа П. Н. была связана по преимуществу с пропагандой книги и ее изучением. На общественных началах он преподавал в 20—30-е годы на Высших курсах библиотековедения при Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, входил в бюро Русского библиологического общества (в 1927—1930 гг.), был председателем Информационно-библиографической комиссии Международного комитета славистов (в 1958—1963 гг.).

Свой опыт чтения лекций П. Н. обобщил в замечательном докладе, прочитанном им в Ленинградском университете и имевшем очень большой успех у слушателей: «О методике вузовской лекции». К сожалению, этот доклад не был записан.

Преподавание для П. Н. Беркова — это прежде всего заботливое выращивание молодых специалистов. Немало его собственных научных трудов появилось в ответ на требования педагогической работы. К ним относятся его статьи по национальным литературам народов СССР, труды по технике литературоведческих исследований и библиографических изысканий, различного рода работы о задачах, путях и методах исследования литературы XVIII в. Стремление научить студентов работать, передавать свои знания, намечать темы будущих исследований сказывалось почти во всей деятельности П. Н. Он был такой же темпераментный педагог, как и исследователь. Темперамент этот выражался прежде всего в том, что он не только много давал своим ученикам, но и много с них спрашивал. Он требовал от них самостоятельности, собственных точек зрения, однако решительно осуждал скороспелые открытия, необоснованные выступления, стремление как можно легче утвердить свое место в науке.

Общественный темперамент П. Н. проявлялся в его значительных и горячих выступлениях на собраниях, совещаниях, съездах и конференциях. Противник групповщины, он боролся с недооценкой тех или иных специалистов или их отдельных работ. Мораль и наука для

П. Н. были связаны неразрывно. Не считаясь с личными интересами, он был всегда готов заступиться за товарища по работе, которого несправедливо обходили, резко выступить против попытки обмануть общественное и научное мнение.

Разносторонность научных интересов П. Н. — это разносторонность тех личностей, которых он изучал. Он занимался тем, чем занимаются они. Он жил их интересами, проходил вслед за ними их путь. Он работал часто по специальности тех, кого он изучал, сохраняя за собой главную свою специальность — человековедение.

В своем интересе к людям и к создаваемой ими культуре, в своем глубоком уважении и любви к русской культуре и к культуре народов Советского Союза П. Н. был подлинный гуманист. Он гуманист и потому, что в своем лице воскресил тип ученых эпохи гуманизма с их глубокими филологическими познаниями, с их поразительной эрудицией и разносторонностью.

Скончался П. Н. 9 августа 1969 г. в результате непродолжительной болезни в полном расцвете своих творческих способностей, не дожив пяти лет до образования Всесоюзного добровольного общества любителей книги — общества, о создании которого он постоянно мечтал и которому мог бы принести много пользы своими трудами и энергией.

Его замечательная библиотека, ставшая частицей его самого, его забот и любви, поступила в собственность Минского государственного университета.

*(Берков П. Н. История советского библиофильства.
М., 1983, с. 3—21)*